

Л. А. Морозова
Мерный отзвук каблуков

Л. А. Морозова

Мерный отзвук каблуков

«Издательские решения»

Морозова Л. А.

Мерный отзвук каблуков / Л. А. Морозова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504026-8

В повести «Мерный отзвук каблуков» вы можете прочитать про девушку, которая убивает людей в прошлом и рисует сцены этих убийств в настоящем, чтобы обеспечить лечение больного отца. По чужой воле. Или не чужой? По своей? Узнайте из повести! Приятного чтения.

ISBN 978-5-00-504026-8

© Морозова Л. А.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Новый магазинчик	6
Часть 2. Давняя подруга	7
Часть 3. Дорога	8
Часть 4. Встреча	9
Часть 5. Бывший дом	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Мерный отзвук каблуков

Л. А. Морозова

© Л. А. Морозова, 2019

ISBN 978-5-0050-4026-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Новый магазинчик

Смятую постель заливают тёплым утренним светом. Он чуть дотрагивается из окна ещё не распечатанных коробок с одеждой, вещами, мольбертами и краской и легонько щекочет нос полусонной брюнетки. Она сладко потягивается, открывает глаза и смотрит на часы. 8 утра. Пора вставать.

Как хорошо жить одной. Никуда не спешить. Иметь возможность сорваться в новое место в любой момент. Это было просто необходимо такой девушке, как Калиса, с ней просто невозможно что-то планировать наперёд, чем она и не утруждала себя. Девушка могла в любой момент резко измениться, но при этом остаться собой. Например, она могла перейти от стиля одежды 50-х к стилю 90-х, но это всегда была одежда из антикварных и винтажных лавок. Художница могла переехать из Австралии в Европу, но это всегда в маленький городок недалеко от природы. А в помещении всегда будет компьютер, хотя Калиса не пользовалась им. Из-за частых переездов она чувствовала вину перед теми людьми, с которыми не могла быть рядом. Тяга к побегу была в её жизни во время всего осознанного возраста. Но как бы далеко и долго она ни бежала, было ощущение, что настоящий побег ещё даже не начался. Никогда нельзя было предугадать, как перевернётся её жизнь, единственное, что можно было сказать, – это будет так, как хочет она. Так же было и в этот раз. Её просто потянуло в этот маленький уютный городок. В эту тесную квартирку. И пока она помешивала, стоя на подоконнике с чугунными перилами и клумбами, свой утренний кофе, в доме напротив на первом этаже открывался антикварный магазин. В утреннюю тишину ещё не проснувшегося города врзался и разнёсся эхом звук удара молотка. В самом этом звуке было что-то затаившееся и неумолимо приближающееся. Он скорее походил на звук обратного отсчёта, нежели на мирный стук прибивания таблички. И сама девушка чувствовала в этом звуке какое-то предупреждение, но её манил этот магазинчик, как пруд с крокодилами после нескольких дней в пустыне.

Итак, выпив свой кофе и одевшись в красное платье с юбкой-трапецией, без рукавов и белыми карманами, нацепив красную шляпку-колокольчик с белой ленточкой и бантиком. Надела солнцезащитные очки с толстой квадратной пластмассовой полосатой красно-белой оправой, взяв прямоугольный плоский клатч, она вылетела из дома и подроспела в антикварный магазин перед тем, как хотя бы один потенциальный покупатель зайдёт туда. Она торопливо оглянулась, и её взгляд выхватил из пространства, забитого множеством предметов из прошлого столетия, белые лаковые туфли в превосходном состоянии. Они были великолепны. Ни пылинки, ни царапинки, ни малейшего оттенка желтизны. Казалось, они были сделаны, чтобы однажды их надела именно Калиса. Она тут же попросила продать ей их и уже было рванула к выходу, но её взгляд зацепился за маленькую музыкальную шкатулку. И она взяла её.

Часть 2. Давняя подруга

– А Маргарита знает, что ты здесь!

Калиса только-только вернулась, а её уже встретил этот звонкий нагловатый голос. Стоило только повернуть ключ, зайти в квартиру, наклониться, чтобы положить покупки, а сзади на кровати уже появилась давняя подруга Маргарита. Её лицо светилось от счастья. Каждая веснушка, каждая крапинка так и говорила: «Никуда ты не денешься!» Особенно это подчёркивал жар рыжих кудрей и взошедшего солнца.

– Хорошо, так как ты ждёшь от меня только этого вопроса, как же ты меня нашла на этот раз? – Калиса пыталась вести себя сдержанно, но было видно, что, хоть она и рада видеть близкого человека, ей порядком поднадоело то, что её постоянно выслеживают и не оставляют в покое.

– А не скажет!

– Ну и не надо, – она спокойно повернулась за туфлями и демонстративно проигнорировала попытку подруги манипулировать ею с целью получения большего внимания.

– Ну раз ты так просишь... Эй! – Риту же несколько обидело это. Она насупилась, села по-султански и злобно посмотрела на подругу. Она всегда вела себя как маленький ребёнок, ещё не освоивший манипулирование.

– А-ха-ха. – Калисе нравилась эта черта своего рыжего маленького чуда, Маргарита забавляла её. Однажды Рита просто появилась в её жизни, и с этого момента не отставала ни на шаг от неё, это был момент, когда Калиса уже не могла терпеть привязанность к своему месту, людям, и тут появилась Рита и, не переставая улыбаться, протянула ей руку помощи и помогла сдвинуться с мёртвой точки. Вечно весёлая, сияющая непокорным детством. Казалось, что весь мир, вся жизнь для неё – одно большое представление, спектакль.

– Да ладно тебе, а я взяла кое-кому подарок.

– Правда? – Марго будто ждала этого слова.

На это Калиса молча вынула из свёртка музыкальную шкатулку, завела её, положила на кровать и села рядом. Рита мягко положила голову подруге на плечо. Она стала спокойна, когда услышала чарующий звук музыкальной шкатулки. Калиса гладила жаркие рыжие кудри, пальцы будто проходили сквозь огонь. Несмотря на то, что локоны имели форму пружин, в них никогда не застревали и не путались руки, они проходили мягко и свободно, как сквозь огонь, что-то почти неощутимое на ощупь, но тёплое и мягкое. Они сидели до того момента, пока играла шкатулка. Когда Маргарита заговорила, мелодия вдруг запнулась и замолчала.

– Знаешь, какое самое реальное и страшное волшебство, самый загадочный фокус?

– Какой?

– Смерть. Вот человек есть, а вот его уже нет, забавно, не правда ли? – Рита улыбнулась.

– Ты в своём репертуаре. Но к чему это?

– Скоро твой папа станет ассистентом в этом фокусе, – она сказала это, опершись головой на руку и сев перед подругой.

С дрожью в голосе Калиса спросила:

– А кто фокусник?

– Рак, – Маргарита счастливо зажмурила глаза, как будто она говорила о каком-то известном певце с Бродвея.

– А когда представление?

– Через несколько недель, если только его не вырежут. Поторопись, билеты раскупают очень быстро.

Маргарита выпрыгнула на балкон, а затем слетела с него, перед этим помахав Калисе рукой и хитро подмигнув голубым глазом.

Часть 3. Дорога

Скорые сборы заполнили сознание. Спешка. Паника. Страх. Не успею. Всё взяла? Всё взяла. А если нет?

Мысли мелькают помехами. Грузчики не торопятся. Нервы.

Гудок машины с улицы. Скорый стук каблуков по лестничной площадке. Хлопок дверью. Успела. Теперь всё зависит от водителя. Можно насладиться последним пристанищем спокойствия.

Уже послезавтра вечером она будет в родном городе. Там она увидит родную площадку, свою комнату и родителей. Калиса любила своих родителей, но всегда хотела от них сбежать, всегда чувствовала себя чужой. С самого детства ей дали понять, что она какая-то неправильная. Что она не должна рисовать. Должна заниматься точными или естественными науками, а рисование – это «несерьёзно» и этим «ничего не добьёшься». Это очень сильно било по её самолюбию. И из-за этого однажды состоялась особенно крупная ссора. Художница выбежала на улицу, не могла больше слушать то, что дорогие ей люди презирают её. Она села на бордюр возле детской площадки и заплакала. Через несколько минут к ней подошла девушка лет 14. Она спросила её:

– Почему ты плачешь?

– Не твоё дело.

– Может, и так, но Маргарита хочет помочь.

– Родители не одобряют то, чем я занимаюсь. Они думают, что это зря...

– Так докажи им обратное.

Калиса подняла заплаканные глаза и увидела девушку с веснушками, огненными короткими волосами и светящейся улыбкой. Это была Маргарита. Она протянула ей руку, Калиса взяла её и поднялась. Рита сказала:

– Ты знаешь, что делать.

Калиса кивнула и решительным шагом направилась домой.

Она заперлась в комнате на несколько дней и рисовала. Рисовала. Рисовала. Рисовала. Это был успех. Картина ушла за 500\$. На следующий же день девушка уехала и начала свой побег длиною в жизнь. На протяжении всего путешествия она хотела доказать, что может, благодаря своим картинам, делать что угодно и когда угодно. Минус был только в одном: она писала картины, которые чудились ей в видениях. Они были как вспышка. Как озарение. И тогда она вновь садилась за них и рисовала несколько дней подряд. Картины приходили, и художница рисовала их с такой частотой, чтобы только-только хватало на свободную жизнь. И без зазрения совести всё тратила. Поэтому сейчас она как никогда надеялась на подобное озарение. У неё не было денег. Она всё потратила на путешествия и платья. А ей хотелось ткнуть родителей лицом в эти деньги. Родители же были как никто в курсе её успехов. Они были закоренелыми технарями. Думали, что, когда дочь наиграется, вернётся к ним. Но... Вместе с ней из их дома ушло что-то живое. Как будто огонёк жизни покинул это место, наполненное сухими законами и цифрами. С тех пор они сильно изменились. И впервые за 7 лет они увидят дочь.

Часть 4. Встреча

Поездка прошла как в тумане. Калиса помнила только, как спала, как остановилась перекусить в какой-то кафешке и как остановилась в какой-то гостинице, чтобы переодеться во что-то более презентабельное. Но грозный вид больницы отрезвил сознание. Выйдя из машины, она несколько секунд пыталась что-то разглядеть в этом мрачном здании. Затем снова пришла в себя и тихим шагом начала идти к дверям больницы. Дверь приоткрылась, и девушка проскользнула внутрь. На ресепшене стояла женщина, художница подошла к ней:

– Здравствуйте, я Калиса Ластботтон. Я хочу встретиться с отцом. Его зовут Лис Ластботтон.

– Пожалуйста, ваш паспорт.

Калиса достала паспорт и подала его медсестре.

– Подождите минутку.

В этот дождливый день в больнице не было ни одного посетителя. Только доктора и больные шныряли туда-сюда. Казалось, она окунулась в детство, когда настолько же чётко она ощущала своё одиночество в толпе.

– Палата 1048. 10 этаж. Держите пропуск, покажите его дежурному, чтобы он вас пропустил. И вот ваш паспорт.

Калиса поблагодарила её и медленно, скованная, отправилась к лифту. Кнопка загорелась жёлтым тусклым светом. Звонок. Двери открылись, девушка зашла, и они неторопливо закрылись за её спиной. Лифт ехал медленно и как будто издевался. Казалось, что всё окружение смакует её переживания в ожидании встречи. Двери не торопясь открылись на 10 этаже, и Калиса нервно и настороженно начала красться к палате отца. Стук высоких белых лаковых каблуков ритмично отражался от стенок и разносился эхом всё медленнее с каждым шагом девушки, напоминая замедляющийся, но неотвратимый обратный отсчёт. Стены давили на хрупкую фигуру девушки. Казалось, вот-вот – и она сломается от этого гнёта. Но больше всего её пугала дверь в конце коридора и звенящая отражённым светом ручка, такие манящие и отталкивающие одновременно. Девушка доползла-докралась до двери. Поправила волосы. Платье. Глубокий вдох. Толчок двери.

– Здравствуйте. Отец.

От былой робости и волнения не было и следа. В проёме стояла гордая, грациозная фигура. По лицу Лиса покатила слеза.

– Привет. Как прогулка? Как мир?

– Вы знаете, всё чудесно. Советую вам там побывать.

– О, обязательно, как только выйду.

Мужчина начал тихонько посмеиваться, и по его лицу покатались слёзы. Дочь подошла и тихонько приземлилась на складочку кровати.

– Я так рад, что ты успела.

– Успела. Теперь я не уйду, пока ты не выздоровеешь.

– Нам тебя тоже не хватало. Мама обрадуется, когда увидит тебя. Она очень скучала.

– Не сомневаюсь.

– Ну, рассказывай, как твоя жизнь? Как ты освоилась?

– Ты знаешь. Прекрасно. Я сразу со всем разобралась. Со счетами, переездами, выбором выставок. Я всё оплатила. И за это я заплатить смогу.

– «Я заплатить смогу»... – произнёс мужчина и тихо засмеялся.

– Да, смогу. А что такого?

– Просто я вспомнил, когда ты была маленькая, ты так яростно хотела рисовать, что самостоятельно заработала на мольберт, краски и карандаши.

– Я тогда целый месяц работала на наших соседей, присматривая за детьми, крася заборы и ухаживая за цветами... Ты меня даже не остановил! Хотя всегда говорил мне, что нужно работать головой, а не руками.

– Я так тобой гордился. Тогда я узнал, что ты добьёшься всего, чего захочешь.

На секунду взгляд девушки прояснился, она со странным изумлением смотрела на отца, как будто узнала, что её цветок на подоконнике на самом деле принадлежит к давно вымершему виду и только он сможет возродить этот вид. Но потом снова лицо стало напускным и гордым, и по нему промелькнула мысль: «Нет, показалось». Они говорили несколько часов. Вспоминали старое. Узнавали, что произошло нового. Отец слушал её так внимательно, как никогда до этого. Часы посещения пролетели незаметно. Казалось, что человек заковал хрупкий цветок в ледяной кокон. А теперь обнимал его, медленно растапливая холодное стекло.

Часть 5. БЫВШИЙ ДОМ

В коридоре было тесно, темно и уютно. Первый поворот вёл в просторный зал, где было три двери в гостевые комнаты, которые не использовались неизвестно сколько лет. А второй в конце – на кухню, рядом с ней кладовка, туалет и лестница на второй этаж. На втором этаже были ещё две уборные и жилые комнаты: детская, отца, матери и родительская спальня.

Девушка почти по памяти проходила к своей, но... На этот раз она зашла в закрытую комнату на втором этаже возле отцовской. Её туда никогда не пускали. А когда она стала старше и комната стала иметь свободный доступ, Калисе просто было уже неинтересно, потому что все интересующие художницу предметы уже вынесли. Но сейчас... Вернувшись в дом детства... Ей хотелось узнать последний не раскрытый ею секрет этого места.

Вся комната была в пыли. Даже воздух в пространстве. Большая часть мебели осталась, но даже не была накрыта тканью. Всё: шкафы, стол, оконные рамы, – было сделано из крепкого тёмного дерева. Даже стены и пол были сделаны под него. Мебель и оконные рамы были украшены металлическими ручками и накладками на углы. Вся комната была погружена в тёмно-коричневые, бурые оттенки. Светлым пятном была пробковая доска с белыми рамами. Пробка была металлической, белой и холодной. От неё создавались неприятные ощущения. Но она являлась полноправной практичной частью этой комнаты, а потому выкидывать её было нельзя. Калиса рассматривала эту комнату, и она напоминала её отца. Такого же надёжного, твёрдого, но не отдающего холодом по своей сути. Холодностью отдавали только его планы на жизнь, как эта металлическая магнитная доска. Магнитная доска была единственным местом этой комнаты, которое понемногу теряло свою красоту. Она немного облупилась и начала искривляться. Девушка подошла к доске и дотронулась до неё. Холодно. Она подошла к столу. Проведя по ней рукой, она почувствовала надёжность, крепость, даже некоторое тепло. Из этой комнаты не хотелось уходить. Но ей уже пора ложиться спать, чтобы завтра, бодрой, нарисовать новую картину. И девушка направилась в свою бывшую комнату.

Детская комната Калисы была изрядно изменена. Родители поменяли старую мебель на новую. Нигде не было пыли, даже на зеркале. В углу была небольшая сценка для моделей и натюрмортов, а посередине новый мольберт, краски, кисточки и карандаши. Всё как будто ждало её всё это время. Готовилось к её приходу.

Калиса подошла к мягкой кровати со свежей постелью и плюхнулась на неё, совсем как в детстве после утомляющего дня. Как она скучала по этому чувству! Вечерний свет пробивался из маленького круглого окошка наверху. Как ни странно, Калисе нравилась её комната, хоть там и было довольно темно. Она всегда была полусонная и уютная. Совсем как состояние, в котором Калиса доползала до кровати, будучи маленькой. А повернув голову, всегда можно было увидеть на тумбочке поднос с бутербродом и запиской «Поешь, когда придёшь». Калиса по привычке повернула голову. И да. Поднос был там. И вечная записка тоже. Единственное, что отличало характер комнаты от того, что было в детстве, – это мольберт, стоящий в ней.

Калиса с детства обладала фотографичной памятью и умела видеть красоту мира. Она любила рисовать на природе, поэтому брала мольберт с собой и рисовала дни напролёт, особенно летом. Ей нравилось найти пейзаж, натюрморт или человека, увидеть его внешнюю или внутреннюю красоту и вынести на холст. Но та первая картина, которую Калиса нарисовала взаперти и которая продана за 500 долларов, была другого характера. И все продающиеся тоже. На них была чья-то смерть. Последний момент улетающей жизни или изувеченные трупы, застывшие в вечной агонии. Эти картины приходили к ней во снах с анатомической точностью, хотя девушка никогда не увлекалась строением человека. Но до каких-то пор ей было всё равно, пока она не почувствовала, что это снова не то, чем она хочет заниматься. Она хотела показать всю красоту мира во всех аспектах, а не только в мрачных тонах смерти. И тогда она рисует

«Одинокую картину». На одной из выставок был представлен никому не известный художник. Лишь одна его картина. Возле неё было ещё две. И вокруг этих двух картин кружили люди в красивых смокингах и дорогих платьях. Картина неизвестного художника же была плотно окружена пустотой, такой, что, казалось, стоит зайти в неё, и у тебя зазвенит в ушах. «Одинокая картина» вызвала у публики смешанные чувства. Большая часть зрителей не приняла её, но те, кому она понравилась, были в полном восторге, и эта картина была куплена за 600 долларов. Калиса не хотела, чтобы её вновь отторгали, и снова начала рисовать те картины, которые приходили к ней во сне. Иногда эти картины приходили к ней в детстве. Её родители были жёсткие логики, аналитики и технари. И их в высшей степени раздражало подобное «инфантильное» и «нелогичное» поведение дочери, но они всё же пускали её к себе в кровать. А когда Калиса засыпала, переключали её в детскую. Они всегда заботились о ней. Они хотели отличаться от своих семей. В семье Камиллы всегда судорожно экономили, но денег всё равно не хватало. Женщина очень беспокоилась об этом и поэтому много трудилась, впоследствии став врачом. Но её всегда влекли точные науки – и именно в тех профессиях, где заработок нестабильный. Лишь спустя какое-то время после встречи с мужем она смогла реализовать свою мечту и окончить университет. У отца Калисы тоже была мечта, он хотел быть следователем, но его родителям принадлежала какое-то время фирма. Они хотели её расширять и настаивали, чтобы сын непременно унаследовал её. И поэтому его научили отодвигать свои интересы в пользу компании, или, как понял мальчик, в пользу дела своей жизни. Также ему очень доходчиво объяснили, насколько важен стабильный доход. Это он внёс в свои отношения с женой. И оба родителя хотели передать своей дочке эту идею. Идею того, что счастье заключается чисто в деньгах и стабильности и совсем не важно то, что ты будешь каждый день заниматься нелюбимым делом и ненавидеть всё и всех вокруг. Они просто хотели позаботиться о дочке так, как могли. И даже купили дом, в котором была такая комната, которую хотела Калиса. Калиса хорошо помнит эту комнату. В ней многое обновилось, но она так же укладывалась в сладкую дрему. У девушки начали слипаться глаза, и она погрузилась в спокойный, безмятежный сон, перед этим стряхнув с себя туфли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.